

Мисти / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Мисти / рассказ МИСТИ

Воспоминания холостяка

Любовницей у меня была тогда презабавная женщина. Разумеется, замужняя: проститутки внушают мне спасительный страх. В самом деле, что за удовольствие обладать женщиной, которая принадлежала всем, в то же время не принадлежит никому! Это создает двойное неудобство. Даже если оставить в стороне соображения морали, я не понимаю, как можно превращать любовь в средство заработка? Это мне просто претит. Впрочем, готов сознаться, что это мое слабое место.

У холостяка, имеющего связь с замужней женщиной, появляется свой домашний уголок, уютный, привлекательный, где все за ним ухаживают, все его балуют, начиная с мужа и кончая слугами. Там находишь все блага жизни: любовь, дружбу, даже отеческую заботу, сон, пишу – словом, все, в чем заключается счастье; добавьте сюда и то неоценимое преимущество, что можно время от времени менять свою семью, находя приют то в одной, то в другой среде: летом – в деревне, у простолюдина, сдающего комнату в своем домике, зимой – у буржуа, а если ты честолюбив, – то и у аристократа.

У меня есть еще одна слабость – я привязываюсь к мужьям моих любовниц. Должен даже признаться, что женщина, как бы она ни была прелестна, перестает меня привлекать, если ее муж слишком вульгарен или груб. Если же он умен, обаятелен, то я непременно влюбляюсь в его жену до безумия. И, даже порывая с нею, я стараюсь сохранять отношения с ее мужем. Вот каким образом я приобрел лучших своих друзей, – неоднократно убеждаясь в неоспоримом превосходстве мужского пола над женским. Женщина доставляет всевозможные неприятности, устраивает сцены, осыпает упреками; мужчина же, имея не меньше оснований быть на вас в претензии, обращается с вами,

наоборот, так, как если бы вы были добрым гением его домашнего очага.

Итак, моей любовницей была презабавная женщина, черноволосая, взбалмошная, капризная, легкомысленная, набожная, суеверная, как монах, и вместе с тем очаровательная. У нее была особенная манера целоваться, какой я ни у кого больше не встречал... хотя одного этого мало, чтобы удержать мужчину. А как нежна была ее кожа! Я испытывал невыразимое удовольствие от одного прикосновения к ее рукам. А ее глаза! Ее взгляд скользил по мне, словно медленная, сладостная, нескончаемая ласка. Часто я клал голову ей на колени, и мы сидели неподвижно: она склонялась ко мне с загадочной и волнующей, чисто женской улыбкой, я же глядел на нее, встречая взгляд ее сияющих голубых глаз; сияющих оттого, что их переполняла любовь, голубых, как седьмое небо, сулящее наслаждения. Этот взгляд лился мне в самое сердце, незаметно и сладко опьяняя.

Ее муж, инспектор большого страхового общества, редко бывал дома, и мы пользовались по вечерам полной свободой. Иногда я проводил вечер у нее, растянувшись на диване, прильнув лбом к ее ноге, тогда как на другой дремал большой черный кот по имени Мисти, которого она обожала. Наши пальцы встречались на гибкой спине животного и ласкали друг друга в его шелковистой шерсти. Моя щека касалась его теплого бока, дрожавшего от непрерывного мурлыканья, и порою вытянутая лапка дотрагивалась до моего рта или век пятью выпущенными когтями, которые слегка впивались в мою кожу и сейчас же вновь прятались.

Иногда мы уходили из дому, чтобы «пошалить», как она выражалась. Эти шалости, впрочем, были самого невинного свойства. Они заключались в том, что мы ужинали в пригородной харчевне, либо, пообедав у нее или у меня, шли в дешевенькое кафе, точно студенты навеселе.

Мы заходили в кабаки, излюбленные простонародьем, и усаживались в глубине прокуренной комнаты на хромоногих стульях, за старым деревянным столом. Облако едкого дыма заволакивало залу; пахло жареной рыбой; мужчины в блузах горланили и выпивали; удивленный гарсон ставил перед нами две

рюмки вишневки.

Дрожа от страха и восторга, она приподнимала двойную черную вуалетку, но не выше, чем до кончика носа, и потягивала настойку с таким наслаждением, словно совершала неотразимо влекущее преступление. Съедая каждую новую вишню, она чувствовала себя впавшей в новый грех; каждый глоток обжигающей жидкости доставлял ей упоение, утонченное и запретное.

Потом она вполголоса говорила: «Идем!» И мы уходили. Опустив голову, она быстро, мелкими шажками проходила между пьяницами, провожавшими ее недовольными взглядами, а очутившись на улице, облегченно вздыхала, как будто мы только что избежали смертельной опасности.

Иногда она спрашивала меня, трепеща: «Если бы меня оскорбили в таком притоне, что бы ты сделал?» Я хвастливо отвечал: «Стал бы защищать тебя, черт побери!» И она сжимала мне руку, счастливая, чувствуя, быть может, смутное желание, чтобы ее оскорбили и защитили, желание увидеть, как из-за нее дерутся мужчины, хотя бы даже такие!

Однажды вечером, когда мы сидели за столиком в одном третьеразрядном монмартрском кабачке, вошла какая-то старуха в лохмотьях, держа в руке колоду засаленных карт. Заметив даму, она тотчас же подошла к нам, предлагая моей спутнице погадать. Эмма, верившая всему и во все, затрепетала от желания и волнения и усадила старуху рядом с собою.

Гадалка, морщинистая, дряхлая, беззубая, с мешочками под глазами, разложила на столе грязные карты. Она делила их на кучки, собирала и снова раскладывала, бормоча что-то неразборчивое. Побледневшая Эмма слушала ее, затаив дыхание, полная тревоги и любопытства.

Ведьма начала говорить. Ее предсказания были неопределенны: счастье, дети, молодой блондин, путешествие, деньги, суд, брюнет, чье-то возвращение, удача, смерть. Весть об этой смерти особенно поразила молодую женщину. Чья смерть? Когда? От чего?

Старуха ответила:

– Тут уж одни карты, ничего не скажут. Приходите ко мне

завтра. Я погадаю вам на кофейной гуще, она никогда не обманывает.

Встревоженная, Эмма обернулась ко мне:

– Пойдем завтра к ней? Пожалуйста, сделай это для меня. Иначе... ты представить себе не можешь, как я буду волноваться!

Я рассмеялся.

– Пойдем, милочка, раз тебе так хочется.

И старуха дала нам свой адрес.

Она жила на седьмом этаже, в ужасном доме, за Бютт-Шомон. На другой день мы отправились к ней.

Ее комната на чердаке, с двумя стульями и кроватью, была полна необычных вещей: пучков травы, висевших на гвоздиках, высушенных насекомых, склянок и пузырьков с разноцветными жидкостями. Со стола смотрело на нас стеклянными глазами чучело черного кота. Он казался злым духом этой мрачной лачуги.

Эмма, слабея от волнения, опустилась на стул.

– О милый, взгляни на этого кота, как он похож на Мисти!

И она объяснила старухе, что у нее есть такой, же кот, точь-в-точь такой же.

Ведьма пресерьезно заметила:

– Если вы любите кого-нибудь, то не держите у себя этого кота.

Эмма испуганно спросила:

– Почему же?

Старуха села рядом с ней и фамильярно взяла ее за руку.

– Это принесло мне несчастье, – сказала она.

Моей подруге захотелось узнать, в чем дело. Она приставала к старухе, пыталась у нее, расспрашивала. Суеверие роднило их. Наконец старуха начала:

– Кота этого я любила, как родного брата. Я была тогда молода, одинока и работала швеей на дому. У меня не было никого на свете, кроме него, Мутона. Мне подарил его один жилец. Кот был умный, словно ребенок, ласковый и прямо-таки обожал меня, сударыня; я была для него каким-то кумиром. Весь день он мурлыкал у меня на коленях, а ночью – на моей подушке. Было слышно, как бьется его сердце.

И вот случилось мне познакомиться с одним славным парнем,

служившим в бельеовом магазине. Целых три месяца я ничего ему не позволяла. Но, знаете, в конце концов уступаешь, это со всеми случается. К тому же я его полюбила. Он был такой милый и добрый. Он хотел, чтобы мы поселились вместе, это было бы экономнее. Наконец как-то вечером я позволила ему прийти ко мне. Я еще ни на что не решилась, о нет! Мне просто приятно было провести с ним часок вдвоем.

Сначала он вел себя сдержанно. Говорил нежные слова, так что сердце у меня таяло. Потом он меня поцеловал, сударыня, поцеловал, как целуют, когда любят. Я закрыла глаза и замерла от счастья... Но вдруг он рванулся и закричал; я никогда не забуду этого крика... Открыв глаза, я увидела, что Мутон вцепился моему гостю в лицо и рвал его когтями, как тряпку. Кровь, сударыня, лилась ручьем.

Я хотела оторвать кота, но он не давался и продолжал царапать; он и меня укусил – до того обезумел. Наконец я схватила его и вышвырнула в открытое окно – дело было летом.

Когда я стала обмывать лицо моего бедного друга, я увидела, что у него выцарапаны глаза... да, оба глаза!..

Пришлось поместить его в больницу. Я хотела, чтобы он жил у меня, хотела его кормить, но он не согласился. Он прямо возненавидел меня после этого. Через год он умер с горя.

Ну, а Мутон переломил себе позвоночник при падении. Привратница подняла его. Я заказала из него чучело, потому что все-таки была к нему привязана. Если он так сделал, значит, любил меня, не правда ли?

Старуха умолкла, глядя безжизненное чучело, подрагивавшее на проволочном каркасе.

У Эммы щемило сердце, и она забыла о предсказанной смерти. Во всяком случае, она не стала об этом говорить, и мы ушли, дав старухе пять франков.

Так как на другой день должен был вернуться муж Эммы, я несколько дней не был у нее.

Когда я пришел, меня удивило, что не видно Мисти. Я спросил, где он.

Она ответила, покраснев:

– Я его отдала, так как очень беспокоилась.

Я изумился.

– Беспокоилась? Беспокоилась? Отчего же?

Она крепко поцеловала меня и прошептала:

– Мне было страшно за твою голову, дорогой!

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 22 января 1884 года под псевдонимом
Мофриньёз

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10.
Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958

Перевод Валентина Дмитриева

Примечания Ю. Данилина. Heкаýalar